

АНТИТЕЗА «СВЕТА И МРАКА» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» (ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА ЭПИЗОДА)

Алина ПАНЦЕР, студентка филологического факультета
Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо.

Научный руководитель: Татьяна СУЗАНСКАЯ, доктор, конференциар

Abstract: *The article studies the antithesis of the images of light and darkness in Fyodor Dostoyevsky's novel „The Idiot”. The author starts with the polyphony theory and counterpoint thesis that are examined in M.M.Bahtin's works. The illness of the main character Myshkin is interpreted as an aesthetic fact, attempting to identify the artistic nature of the disturbing conditions of the character. The hypothesis of the complicated opposition between darkness and light in Myshkin's inner world and of his gift of foreknowledge is being suggested.*

Keywords: *polyphony, counterpoint, antithesis.*

Романы Ф.М. Достоевского можно сравнить с гениальными симфоническими произведениями. Писатель широко использует полифонию, контрапункт, сложное переплетение мотивов, разного уровня антитезы. Мы попытались выявить значение одного из самых значимых контрапунктов «свет и мрак» в романе «Идиот». Согласно теории М. Бахтина, контрапункт – это «разные голоса, поющие различно на одну тему» [1, с. 74] Таким образом, методологической основой рассмотрения данного фрагмента является теория полифонии М. Бахтина. Ученый отмечает, что Достоевский с большой тонкостью переносит в план литературной композиции закон музыкального перехода из одной тональности в другую [1, с. 74].

На протяжении всего текста романа наблюдается контрапунктное звучание образов света и мрака. Наиболее полно оно проявляется, на наш взгляд, в пятой главе второй части романа, когда Мышкин, выйдя из дома Рогожина, идет на вокзал. В описании ощущений Мышкина перед эпилептическим припадком, в сцене припадка, как они «инструментированы» автором, во всей полноте проявляется контрапункт «свет – мрак / темнота».

Достоевский не случайно наделяет Мышкина именно такой болезнью, как эпилепсия. Контрапунктное соотнесение образов «света – мрака / темноты» является основой описания припадка: «Уединение скоро стало ему невыноси-

мо; новый порыв горячо охватил его сердце, и на мгновение ярким светом озарился мрак, в котором тосковала душа его» (215)¹¹.

В работе литературоведа Н.Богданова мы нашли объяснение вниманию Достоевского к героям, страдающим эпилепсией. Как отмечает исследователь, эпилепсию еще в древности называли священной болезнью: «MORBUS SACER». Н.Богданов вслед за профессором В. М. Бехтеревым указывает, что до Достоевского такого рода описаний в литературе просто не существовало [2, с. 337]. Кроме того, он подчеркивает, что к таким произведениям, где душевная болезнь выводится скорее ради сценического эффекта должно отнести, например, «Короля Лира» Шекспира, «Записки сумасшедшего» Гоголя и др. Было бы тщетно в этих произведениях искать действительного, правдивого воспроизведения душевных расстройств [2, с. 337]. Н.Богданов указывает, что следя за повествованием автора, мы можем видеть, как нарастает болезненное возбуждение, как, победив, наконец, сопротивление организма, разрешается оно судорожным пароксизмом. Вот как выглядит это на страницах четвертой части романа «Идиот»: «Еще мгновение, и как будто всё перед ним расширилось, вместо ужаса – свет и радость, восторг; стало спирать дыхание, и... – но мгновение прошло» [2, с. 339].

Безусловно, дело не только в том, что Ф.М. Достоевский сам страдал от эпилепсии, а в рассмотрении эстетической составляющей факта болезни литературного героя. Отметим, что с анализируемым эпизодом романа переключаются воспоминания Н.Н. Страхова: «Федор Михайлович очень одушевился и зашагал по комнате, а я сидел за столом. Он говорил что-то высокое и радостное; когда я поддержал его мысль каким-то замечанием, он обратился ко мне с вдохновенным лицом, показывавшим, что одушевление его достигло высокой степени. Он остановился на минуту, как бы ища слов для своей мысли, и уже открывал рот. Я смотрел на него с напряженным вниманием, чувствуя, что он скажет что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровение. Вдруг из его открытого рта вышел странный, протяжный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты» [2, с. 339].

Н. Богданов справедливо указывает на то, что Достоевский по возможности «очистил» князя Мышкина от многих несимпатичных черт эпилептоидного характера, но, однако, некоторые из них, кажется, против воли автора, прорвались наружу [2, с. 341]. Важнейший для всех исследователей вопрос, на который пытаемся ответить и мы: Зачем же Достоевский «наградил» своего героя именно эпилепсией? [2, с. 345]. Достоевскому не раз удавалось не только очень точно «инкрустировать» правдивые описания болезненных расстройств психики в художественную ткань своих произведений, но и, что не менее трудно, сделать это совершенно оправданно с точки зрения повествования. Примером тому может служить блестящее описание состояния помрачения

¹¹ Здесь и далее ссылки на текст романа даются с указанием страницы в круглых скобках по изданию: Ф. Достоевский. Идиот. – М.: 1981.

сознания и спутанности у князя Мышкина, предвещающее в скором времени наступление у него эпилептического припадка [2, с. 346].

Н. Богданов, отвечая на этот непростой вопрос, указывает, что наделение главного героя, Мышкина, эпилепсией дает автору возможность высказать свои сокровенные мысли [2, с. 347]. Эпилепсия, какого бы происхождения она не была, – заболевание тяжелое и, при неуклонном течении, может привести к полной деградации личности. Как видно из текста романа «Идиот», Достоевский вполне отчетливо представлял себе такую перспективу. Обратим внимание на то, какой тяжелой грустью проникнуты следующие строки: «Впрочем, за диалектическую часть своего вывода он не стоял: отупение, душевный мрак, идиотизм стояли перед ним ярким последствием этих «высочайших минут» [2, с. 348-349].

Мы можем выделить несколько причин наделения главного героя романа именно эпилепсией. **Первой причиной** служит следующее утверждение: по мнению П.И. Ковалевского, нет оснований рассматривать «священную болезнь» именно как указание на «дар небес». Оно могло говорить и о наказании «свыше». Другое название **morbus demonicus** заставляет думать, что этот недуг связывали с вмешательством «злой» силы. С незапамятных времен больных падучей болезнью наделяли необычными способностями. Они и сами культивировали в себе это в надежде компенсировать неприятные впечатления от многих проявлений болезни. Яркой иллюстрацией этому может служить следующее высказывание Ф. М. Достоевского, сохраненное для нас воспоминаниями Софьи Ковалевской: «Вы все, здоровые люди, и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком» [2, с. 352-353].

С этими словами Достоевского перекликаются следующие строки романа: «Что же в том, что это болезнь? – решил он наконец. Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени» **гармонией, красотой**, даёт неслышанное и негаданное дотоле **чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни?»** [2, с. 353]. В этой цитате, на наш взгляд, заключается **вторая причина** эпилепсии Мышкина. Это, на первый взгляд, парадоксальное утверждение писателя помогает, по нашему мнению, объяснить, почему главный герой страдает именно от этого заболевания. Выделим ключевые слова цитаты: *гармония, красота, восторг, молитвенное слияние, высший синтез жизни*.

Нельзя не учесть следующее обстоятельство: муки эпилепсии придают герою Достоевского особый трагический ореол. Болезнь приводит Мышкина к душевному мраку и упадку, и, в конечном итоге, происходит необратимость возвращению к нормальному состоянию души.

Третья причина – сходство героя с юродивым. Известна традиция юродствования на Руси. Возможно, сходство Мышкина с юродивым (человек, кото-

рый отвергал все мирские ценности, обладающий мудростью, которая выражалась во внешнем безумии, также наделенный даром пророчества) соответствовало замыслу автора: противопоставить «идеального», с его точки зрения, человека окружающему обществу с его недостатками и пороками, к обнажению и бичеванию которых устами своего героя и стремился автор [2, с. 355].

Кроме вышеназванных причин, есть и сюжетное обстоятельство: Мышкин предвидит смерть Настасьи Филипповны от ножа Рогожина. В эпилептическом состоянии перед ним освещаются события последующие. Он уже точно знает, что Рогожин убьет Настасью Филипповну. Так Мышкин выступает человеком, наделенным пророческим даром [2, с. 355]. Кроме того, Мышкин и сам ожидает покушения на свою жизнь от Рогожина. Но при этом кричит: «Парфен, не верю» (225). То есть Мышкин верит в светлые качества человека, неспособность Рогожина к насилию. Кстати, их внешнее противопоставление также строится по законам контрапункта: Мышкин – блондин с кроткими, мягкими чертами лица, Рогожин – брюнет с жгучими глазами, с резкими чертами лица.

Болезненное состояние главного героя сопоставляется Достоевским с грозой, это подтверждают следующие строки романа: «Сад был пуст; **что-то мрачное** заволочло на мгновение заходящее солнце. Было душно; похоже было на отдаленное предвещание **грозы**» (218). Начало грозы предвещает начало припадка у Мышкина: «**Гроза**, кажется, действительно **надвигалась**, хотя и медленно. Начинался уже отдаленный гром. Становилось очень душно...» (219). И в конечном итоге произошло открытие: «В этих воротах, и без того **темных**, в эту минуту было очень **темно: надвинувшаяся грозовая туча** поглотила **вечерний свет**, и в то самое время как князь подходил к дому, туча вдруг **разверзлась и пролилась**» (225).

Можем заметить, что через припадок проявляется не столько болезнь, сколько нечто высокое – идея: «Чрез припадок и **весь этот мрак**, чрез припадок и **«идея!»** (221). Но, в чем же состояла эта идея?, следует вопрос. Ответ на данный вопрос дает Достоевский: «В этом ведь и состояла его «внезапная идея». Он настойчиво захотел увидеть эти «давешние глаза», чтобы окончательно убедиться, что он непременно встретит их там, у этого дома» (223).

В душе Мышкина происходит борьба света и мрака. Это факт подтверждают следующие строки «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (222). «Станный и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более. **Этот демон** шепнул ему в Летнем Саду, когда он сидел, забывшись, под липой...» (223). Главный герой хочет чем-то оправдать поступки Рогожина: «Или в самом деле было что-то такое в Рогожине, то есть в целом сегодняшнем образе этого человека, во всей совокупности его слов, движений, поступков, взглядов, что могло оправдывать **ужасные предчувствия князя и возмущающие нашептывания его демона?**» (224).

Мы обратили внимание на то, что начало припадка знаменуется озарением света, это подтверждают следующие строки: «Затем вдруг как бы что-то

разверзлось пред ним: **необычайный внутренний свет озарил** его душу. Это мгновение продолжалось, может быть, полсекунды; но он однако же **ясно** и сознательно помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля, который вырвался из груди его сам собой и который никакою силой он не мог бы остановить» (226). В последующей чувствуется ужасный трагизм главного героя: «Затем сознание его угасло мгновенно и наступил полный мрак» (226).

Проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы: Ф.Достоевский наделяет Мышкина «священной болезнью» через которую читатель может увидеть противопоставление света и мрака, добра и зла. Важную роль во фрагменте играет контрапункт, который, по нашему мнению, значимее антитезы. Понятие контрапункта детально конкретизирует термин «полифония» как в анализируемом нами фрагменте, так и во всем романе.

Библиография:

1. БАХТИН, М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1972. 466 с.
2. БОГДАНОВ, Н. «Священная болезнь» князя Мышкина – *MORBUS SACER Федора Достоевского* / *Роман Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения*. М., 2001, pp. 337-358.
3. ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. *Идиот*. М., 1981. 592 с.